

Саша Мар

**ИНТЕРЕСНО
И ЛЕГКО**

Истории с неожиданной развязкой

Саша Мар

**Интересно и легко. Истории
с неожиданной развязкой**

«Издательские решения»

Мар С.

Интересно и легко. Истории с неожиданной развязкой / С. Мар —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907588-8

Какой, по-вашему, должна быть хорошая книга? Интересная, захватывающая, лёгкая? Книга, которая переносит в придуманный мир, и хочется оставаться в нём как можно дольше, листать страницу за страницей с вопросом: «А что же дальше?» Если Вы согласны, что хорошая книга должна быть именно такой, то «Интересно и легко» — это книга для Вас. Здесь рассказы всевозможных жанров и настроений: и мистика, и любовь, и ужасы, и фантастика. Здесь иногда весело, а иногда страшно, но всегда — интересно и легко.

ISBN 978-5-44-907588-8

© Мар С.
© Издательские решения

Содержание

Дальше лёд	6
Я погружаю зубы в сочную плоть	11
Замрут часы,	19
ПЕРВАЯ	19
ВТОРАЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Интересно и легко Истории с неожиданной развязкой

Саша Мар

Иллюстратор Дарья "Тапмогна" Каторкина

© Саша Мар, 2018

© Дарья "Тапмогна" Каторкина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7588-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дальше лёд

В ночь на десятое января ударил мороз минус сорок. Накануне весь день заливало дождём, и горожане сетовали на суровую для южного приморского города зиму с температурой плюс десять. Наутро лужи превратились в стекло, стоки канализации украсились прозрачными волнами льда, дороги покрылись скользкими буграми, и город замер.

Такой жуткий мороз выдался впервые три года назад и стал настоящим бедствием. Бездомные бродяги замёрзли насмерть, и несколько жителей в своих квартирах тоже. Той тёплой зимой народ спал с открытыми окнами, а стужа разом рухнула на город и принесла ледяной ужас. Теперь горожане заранее законопатили окна, включили обогреватели, и легли спать под многослойные одеяла, чтобы встретить утро живыми.

Ближе к двенадцати часам дня улицы наполнились туристами, которые примчались поглазеть на аномалию. Они шли прямо по пустой проезжей части, скользя, падая и хохоча, фотографировали ледяные шубы на домах и шапки снега на деревьях.

– С каждым годом туристов больше, поэтому всё для них, – сказал мэр, – устроим Неделю Льда, найдите художников, чтобы соорудили ледяные скульптуры.

Однако днём на площади кроме палаток с едой и водкой из-под полы достопримечательностей не было. Мэр по телефону отодрал начальника отдела культуры, сказав, что если завтра утром фигур не будет, пусть пеняет на себя.

Начальник по культуре спешно собрал подчиненных и начал жалобно вопрошать, есть ли в городе такие художники. Подчиненные прятали носы в высокие воротники свитеров и мотали головами, а потом вспомнили, что есть какой-то парень на окраине, который каждый раз в мороз, у себя во дворе лепит фигуры.

– Чего молчали-то? Валенки в зубы и бегом к нему, берите уазик, – завопил начальник и помчался вместе с ними.

Вдали от центра многоэтажный бетонный кубизм редет и превращается в низенький деревянный частный сектор, с резными окнами, двориками, лающими псами и дымящимися трубами. В ледяную неделю печи кочегарят дни и ночи напролет.

Утром во дворе такого покосившегося дома, в клубах морозного тумана и печного дыма, стоит взъерошенный парень без шапки и в расстегнутой куртке. Он подставляет бородатое лицо падающим с неба снежинкам. Опять этот день, опять мороз.

По двору расставлены открытые деревянные короба. Вчера они наполнились дождевой водой, и теперь вода стала льдом. Взъерошенный рубит деревянные короба топором, освобождая прозрачные глыбы. Затем он неторопливо без рукавиц громоздит их друг на друга, пока они не выстраиваются в башню высотой с него самого. Он заводит бензопилу, держит её железное вибрирующее тело голыми руками на трескучем морозе и начинает вытачивать ледяную фигуру женщины.

Вчера он снова почувствовал приближение стужи. В предбаннике он закрыл глаза, прислонился спиной к стене, и погрузился в воспоминания, которые спали до наступления зимы. Каждый раз в этот день, уже четвёртый год.

Бензопила скользит по краям глыбы, лаская формы будущего ледяного тела, от бедра к талии, от шеи к плечам. Он отмечает черты лица, острый нос, губы приоткрыты в улыбке, как в тот день, когда они виделись последний раз в замёрзшем городке за Полярным кругом.

«Я уезжаю?» – «Куда?» – «Далеко, в Тунис, там тепло. Ты же знаешь, я ненавижу холод. Здесь десять месяцев зима, а там – круглый год лето».

Он нежно касается ледяной головы, как тогда касался рукой тёплых волос. Я не смогу без тебя. Сказал ли он это вслух или подумал?

«Не глупи», – она улыбнулась легко, насмешливо

Острый нос, губы приоткрыты в улыбке, как в тот день, когда они виделись последний раз.

Мороз крепчает. Туман становится плотнее. Он всматривается в прозрачное лицо. Так нельзя, ты убиваешь меня. Он зажмуривается, холод забирается внутрь, и он надеется, что сейчас наконец-то замёрзнет и боль пройдёт. Рука скользит по ледяной щеке, лёд тает под горячей кожей. Гул бензопилы превращается в шум машины, которая в ту ночь унесла его из города, где самая хорошая и красивая причинила ему боль. Она сказала, что уезжает в тёплые края. Почему она не любит зиму, как можно её не любить?

Нетронутая белизна плавно укрыла землю простынями свадебной постели, и невеста, опустив глаза, с безжалостной невинностью сбросила белое кружевное платье, и оно, подрагивая на ветру, упорхнуло ввысь и распласталось клубами облаков по густо синему небосводу. Каждый день он выходил во двор метеостанции, щурясь на иглы солнечных лучей, рассыпанные по сугробам, и был счастлив, что его северная красавица рядом с ним в стройном ледяном безмолвии полярной пустыни.

– Сегодня летим.

Сторож станции, молодой парень, вышел на крыльцо и закурил.

– Летим волков стрелять.

– Разрешили?

Как одному человеку снести столько радости? Любовь, снег и охота.

– Ага. Сегодня пришла электронка из горсовета. Сто пятьдесят оленей загрызли за месяц. Егеря не справляются. А тут мы такие на вертушке, та-дам, та-та-ра-тааа-дам, – и он запел полет Валькирий, перевирая – только каску под задницу подложи, чтоб с земли не прострелили.

– Кто, волки?

Парни смеются, предвкушая ночную забаву, а через час он выскочит на обед в столовку, встретит её, и она скажет, что уезжает в Тунис. Она ненавидела зиму и снег, а он думал, что это пройдёт.

Ветер бьёт в лобовое стекло костяшками снега и града. Белые пальцы вцепляются в руль, а в голове – пальмы, море и загорелые тела. Когти ревности рвут душу.

Впереди по трассе на чёрном небе прыгают два огонька, красный и синий. Вертолёт опускается ниже и скользит прямо над дорогой. За воем урагана он слышит щелчки выстрелов

и мелкие вспышки, как будто в небе чиркают спичкой. Он опускает стекло и вглядывается в черноту. Волки, так и есть. Огромная стая волков бежит по краям дороги вровень с машиной и краткие выстрелы с вертолѐта выхватывают из серого потока то одного, то другого зверя. Подстреленный волк, скуля, выпрыгивает вертикально вверх, как будто ударившись о невидимую стену, и падает в месиво рычащих ошестинившихся спин.

За воем урагана он слышит щелчки выстрелов и мелкие вспышки, как будто в небе чиркают спичкой.

Вдруг страшный удар ветра обрушивается на машину, снег врывается внутрь, и буря мечется по салону. Он быстро поднимает стекло, вытирает рукавом глаза и с удивлением видит, что снаружи снег сменился дождѐм, а накатанный зимник – размытым асфальтом. Ливень стеной скрывает дорогу, и струи воды, замерзая на лету, сыплются на асфальт копиями сосулек. Дорога покрывается коркой льда и мчащийся по трассе жигуль скользит, крутится, летит в кювет, и зарывшись в носом в сугроб, глохнет.

Утром он очнулся, выбил ногами лобовое стекло, выкарабкался из машины и побрел по заснеженному полю в сторону деревянных домиков на окраине замѐрзшего южного города, впервые за сотни лет парализованного жуткой стужей. Он не пытался разобраться, как ледяная буря вмиг перенесла его на красном жигуле за три тысячи километров на юг. Она бросила меня, уехала в лето. Это всё, о чём он мог думать, и боль ползала по телу, выжигая внутренности от пяток до макушки.

Холода он не чувствовал и не отморозил ни рук, ни ног. Он заметил косой дом, дыма из трубы не было. Внутри он нашел троих замерзших насмерть бродяг, которые лежали на лавках и смотрели распахнутыми остекленевшими глазами в потолок. Он перетащил задубевшие тела в баню, а сам запер дверь дома, лег на пол, укрывшись пыльными мешками, и отключился.

Теперь она стояла перед ним, такая, какой он её запомнил, только изо льда. Вдруг сзади кто-то кашлянул. Из расползающихся клубов дыма за оградой медленно выплыли лица чиновников, ошарашенные глаза пялились в просветы между шарфами и ушанками. Вид полуголового парня на сорокаградусном морозе заставил их разинуть рты.

- Что же вы не сказали, что он псих, – прошептал начальник.
- Так про него ж и писали в газете, что псих.
- И как с ним разговаривать?

– Гляньте, а он и не собирается разговаривать.

Пока они шептались, полуголый поднял куртку, и волоча её по осколкам льда, скрылся в тумане. Хлопнула дверь. На призывы чиновников он не вышел, как они ни кричали, и ни сулили достойное вознаграждение, и как ни упрашивал начальник пожалеть его семью. Кособокий дом кутался в клубах морозного пара, а ледовый ваятель был внутри, нем и глух к мольбам.

Тем временем на окраину опустились сумерки. Чиновники до смерти замерзли.

– Не уйду без него. Уволят. Или он вылепит эти чёртовы фигуры, или – петлю на шею, – твердил начальник.

– Да, ладно, тебе Ильич, – деловито сказал один из подчинённых, ушлый парень, «палочка-выручалочка», – сейчас мы его выкурим, у меня тут зятёк рядом живёт, охотник. Сейчас.

Он исчез и скоро вернулся с другим мужиком в тулупе и с ружьём.

– Этого шизика давно пора вытащить на свет божий, – пробурчал тулуп, перелез через ограду и два раза отчетливо долбанул прикладом дверь, затем выстрелил в воздух и заорал:

– Выходи, гад, люди из-за тебя на морозе уже околели!

Дверь скрипнула, и на пороге показался парень, куртка на голое тело. Он взглянул на тулуп с ружьем:

– Мужик, отстань, – голос звучал глухо и измучено.

– Давай, давай, иди к машине.

– Осторожнее, – волновался за оградой начальник, – ещё жмурика не хватало.

– Не волнуйтесь, будет живёхонек, х-художник, – прокричал тулуп, и в ту же минуту парень рванул в темноту за угол дома.

– Ах ты, ваятель, – тулуп дёрнулся за ним, но завяз в сугробе, а из-за угла резанул луч света, и рыча вылетел красный жигуль, разбил вдребезги прозрачную девушку, снес ограду и помчался через сугробы и ледовые бугры в сторону города. Чиновники впихнулись в узик и ринулись в погоню.

Сначала они решили, что парень удрал, но когда узик ворвался в город, увидели, что дымящийся жигуль с поднятым капотом стоит боком на тротуаре, а его водитель в расстегнутой куртке убегает к центральной площади.

– Ильич, может он бежит скульптуры делать? Сам? Чёрт их поймёт, этих художников.

– Не болтай, жми, – прохрипел начальник.

Была уже глубокая ночь, и площадь давно опустела. Палатки покрыли навесами, и пьяные туристы расползлись по съёмным квартирам. На площади оставались только сугробы снега да глыбы льда.

Пролетев мимо палаток, узик подрезал бегущего парня и со скрежетом застыл. Бегущий остановился, тяжело дыша. От него валил пар.

– Отстаньте от меня, – еле слышно прошептал он, переводя дух.

– Ну, будь ты человеком, – начальник вылез из машины и просительно простер руки, – ну вот уже и на месте, вот и бензопила твоя, и льда сколько влезет. Сделай ты пару фигур, а?

– Отстаньте от меня, – тяжелое дыхание вдруг прошло, и в голосе зазвучало железо. Морозный воздух резко похолодел, и с неба повалил крупный снег.

Глаза начальника налились кровью.

– Ну, тогда я из тебя из самого скульптуру сделаю.

На площадь со свистом налетел ветер, закручивая вихрь снежных хлопьев и ледяной крошки, оцарапавшей лица. Начальник дёрнул шнур бензопилы и бросился с ревушей маши-

ной в руках к парню, но тут же упал, сбитый ног порывом вьюги. Кряхтя и матерясь, он с трудом поднялся на ноги и вдруг застыл в неестественной позе на одной ноге.

– Я же сказал, нельзя, – сквозь сжатые синеющие губы, парень цедил слова, злобно пронизывая взглядом стоящих вокруг людей. От него перестал идти пар, по открытой груди и животу ползли кривые чёрные капилляры, кожа стала фиолетового цвета. Как она могла бросить меня, как? Воздух вокруг синел и замерзал, стекло уазика медленно покрылось инеем и треснуло. Взгляд парня перемещался от одного человека к другому, и каждый замирал на месте в трудной позе, скованный клещами морозной хватки.

Через пару минут ветер стих, уазик исчез, а в центре площади остались шесть запорошенных снегом ледяных фигур, одна из которых изображала, скорее всего, маньяка с бензопилой, а остальные были убегающими от него перепуганными жертвами.

Туристы с детьми прибежали утром на площадь, обрадовались и стали скакать вокруг скульптур, но потом раздался истошный визг, и одна из бросившихся на помощь мамаш хлопнулась в обморок, увидев, как скульптура с бензопилой моргает глазами в предсмертной судороге.

В это время уазик, покинувший ночью центральную площадь, рассекал воздух на обледенелой трассе, а за ним летела снежная буря. Вихри снега и льда набрасывались на проносящиеся мимо дома и деревья, заковывая их в толстый слой инея, а на дорогу за машиной падали замёрзшие в полёте птицы.

Как она могла уйти от меня, думал сидящий за рулём фиолетово-чёрный водитель, представляя себе жаркий берег Африки и девушку в белом купальнике с распущенными волосами.

Она сидит на влажном песке, плавно плещет ступнями в бирюзовой воде, и отчаяние с болью жгут его изнутри, и чем сильнее жар, тем холоднее становится облако снежной бури, окутавшее машину, которая летит по трассе, неся за собой ледяную смерть.

Я погружаю зубы в сочную плоть

Совершенно гладкая белоснежная поверхность в окуляре микроскопа становится ближе и превращается в гористую равнину, изъеденную трещинами, котлованами и впадинами. Все округлости старой как мир формы выпрямляются, расправляются, и мы движемся по ребристому, уходящему за горизонт бескрайнему рельефу. Взобравшись на очередную возвышенность, мы не можем увидеть краёв этой необъятной складчатой плоскости, мы даже не пытаемся заглянуть за горизонт, мы – слепы.

Мы быстро перемещаемся по впадинам и рытвинам, забираемся в расщелины, натываясь и наваливаясь друг на друга, громоздимся, цепляемся друг за друга извивающимися жгутами, которыми облеплены наши длинные скругленные на концах туловища, но не испытываем при этом дискомфорта. Постоянный телесный контакт придаёт нам, лишенным зрения, ощущение единства, уверенность, что каждый из нас является частью большого сильного организма, что наша цель – поддерживать этот организм, не давать ему развалиться и обеспечивать его рост. Чем чаще прикосновения, тем твёрже наша вера в цель, тем яснее картины будущего, которые рождаются из нашего общего разума. Это будущее – невероятно и прекрасно, оно сулит потрясения, и оно в итоге одарит благодатью тех, кто его жаждет, но чтобы приблизить грядущее, мы должны быть вместе, мы должны расти, мы должны питаться.

Сигнал о том, что рядом есть источник пищи, передает мой сосед справа. Я переваливаюсь через него и погружаюсь в питательную манну. Рядом с собой я чувствую копошение других соседей, припавших к пенообразной сладкой массе. Мы заглатываем еду, пока она не заканчивается, и движемся дальше до следующего источника. Иногда место расположения еды нахожу я, и тогда я начинаю подавать сигналы соседям, иногда они приглашают меня разделить трапезу.

Через какое-то время мы оказываемся на более-менее ровной поверхности, и чувствуем новый сигнал. Это чужой сигнал, но мы не боимся его, а испытываем радостное возбуждение, потому что этот сигнал сулит охоту. Мы на мгновение замираем и настраиваем органы чувств, сосредоточиваемся, стараясь точно установить, откуда идёт импульс.

Зверь рядом, и он тоже слепо мечется по равнине. Я вдруг вижу его внутренним зрением, ощущаю его форму и чувствую излучаемую им энергию. Между нами устанавливается связь, прямая прочная нить, как будто поводок, на котором я держу зверя и не отпускаю. Всё что мне остаётся делать, это тянуть поводок на себя и приближаться самому. Еще ближе, еще, я настигаю зверя, быстро опутываю его своими жгутами, намертво притягиваю к себе и погружаю зубы в нежную мякоть, в сочную плоть, которая бессмысленно бьется, не понимая, что с ней происходит, и что это означает конец. Я с радостью делю добычу с соседями, ликуя, что мы вместе, и вместе мы становимся сильнее.

Так мы проводим несколько циклов, и внезапно я осознаю перемену в ощущениях. Внутри меня поселилось что-то новое. Моя сила увеличивается с каждым мгновением, с каждым приемом пищи. Она породила томительное предвкушение, что вот-вот я смогу применить мою мощь, исполнить малую часть своего предназначения.

И когда рядом возникает новый незнакомый сигнал, пучок новой информации, я понимаю, что жду именно его:

– У тебя есть кольцо? Кольцо для меня? – спрашивает она. Это – моя Половина.

Конечно, конечно у меня есть кольцо. Я хранил его для тебя, растил его для тебя. В этом кольце вся история моего цикла. В нем сосредоточена вся правда и вся жизнь моих предков, по которой можно проследить всю цепь наших рождений, ведущих вглубь времени прямо к Прародителю.

Внутри нашего общего сознания живёт древняя легенда о Прародителе и Знамениях. Она разбита на части и находится в каждом из нас, где-то в недрах. Неосознаваемо она является нашей движущей силой. В моем кольце заключена частица этой легенды, а в кольце моей Половины – другая часть. И вот теперь, после того, как мы встретились, мы сможем собрать наши знания воедино, ощутить легенду целиком, увидеть её ярко и выпукло.

Мы вместе ныряем в появившиеся образы и делимся экстазом от общих видений.

«Сначала наступит тьма, потом холод, и нас охватит ужас, что мы замерзнем. Но он – наш Прародитель, и он не позволит нам умереть. Он даст нам спасительные капсулы крепче металла, тверже скалы, и каждый из нас заключит себя в такую капсулу и будет греться своим теплом, и ни один атом тепла не покинет капсулу. Потом снова воцарится свет, и случится великое землетрясение, и твердь преломится, и великая жижа затопит все вокруг, и нас охватит ужас, что мы захлебнемся. Но чудесные капсулы спасут нас, и внутри них мы будем слышать голос Прародителя, который успокоит нас и развеет наш страх. А затем великий жар охватит всю вселенную и все погибнет, вся пища станет прахом, и нас охватит великий ужас, что мы сгорим. Но вы не должны бояться, будет звучать для нас голос Прародителя, ибо жар сделает ваши тела каменными, а волю – железной, и те из вас, кто будет спокоен и сохранит веру и волю, тот не рассыплется в пепел, а переживёт этот жар и все великие пертурбации. И перед вами откроются врата, и рай примет вас, и в краю избытка и счастья, ваша сила достигнет высшей точки, и вы увидите её – но мы же слепы, Прародитель! – вы всё равно увидите её, и сможете реализовать своё предназначение и достигнете счастья».

Моё кольцо надето на меня посередине, оно увеличивается, и я оттягиваю часть кольца от себя. Я могу размахивать им в воздухе как лассо, которое прикреплено к моему телу. То же самое делает моя Половина. Мы накидываем наши кольца друг на друга и притягиваемся друг к другу. Теперь на каждом из нас есть оба кольца, и теперь легенда целиком заключена в нас обоих, но это длится лишь мгновение, короткий миг и для одной единственной цели – зажечь искру новой жизни.

На пике экстаза новая жизнь рождается в каждом из нас, и затем покидает, отделяется от нас, унося с собой свою часть кольца и свою часть древней легенды о Знамениях и Прародителе. Вновь рожденные кусочки нас самих уносятся прочь в поисках новых Половин, чтобы снова и снова соединять кольца и возрождать древнее, единое и главное.

А мы остаёмся, обескураженные и потерянные, на долю секунды обретшие истину и тут же снова утратившие её. И я уже не чувствую рядом свою Половину, но в сознание возвращаются спокойствие и уверенность:

«Задача выполнена – нас стало больше».

Однако мы знаем ещё кое-что. Мы знаем, что наше настоящее Предназначение – впереди. Оно больше и значительнее, чем продолжение рода. Оно осмысленнее, чем копошение дождевых червей, получивших гены и щупальца сороконожек, – порождение безумной фантазии доктора Франкентейна, – но не ставших избранными после этой изопрёрённой мутации. С последним пируэтом лунного брачного танца черви погибают, их тела беспомощно корчатся в луже семени самца с плавающими в нём, только что исторгнутыми самкой личинками. Что за жалкая доля, произвести на свет потомство и зачахнуть, отдав ему искру собственной жизни, или тут же издохнуть, не выдержав экстаза.

Нет, наша цель – не продолжение жизни. Наша цель – смерть.

Тьма наступила внезапно, как и предсказывала легенда. Однако ей предшествовал великий ветер, о котором легенда умолчала. Гравитация бесконечно белого мира сломалась, и ветер накинудся на скалистую равнину и на пробирающихся по её складкам странников.

Мы забились в расщелины и впадины, забыв о пище и кольцах, и затем почувствовали её – Тьму. Чёрную и беспросветную Тьму, Мы не могли увидеть её, но она охватила наши тела целиком, и мы поняли, что свет тоже был силой, которая поддерживала нашу жизнь, и теперь эта сила исчезла.

Мы начали с удвоенным напором и скоростью охотиться и поглощать манну, чтобы восполнить отсутствие света, но так продолжалось недолго, потому что мороз обрушился на нас и нашу белую гористую родину. Мертвящий чудовищно бесцветный Холод, возник сразу везде, без единого источника. Он набросился сразу отовсюду, замкнул наши тела в тиски, и нас стало трясти от спазмов безысходной жажды тепла.

Манна замерзла, и зверь превратился в лёд. Нас охватил ужас, но тут я почувствовал изменения в теле. Расширяясь вверх и вниз от кольца, сцепленного посередине меня, плотный панцирь начал расти и сомкнуться. Я оказался внутри капсулы, обещанной Прародителем, капсулы тверже скалы и крепче металла. То же самое произошло и с другими странниками. Мы спасены. Мы чувствуем стук капсул друг о друга, и всё то же ощущение единства греет нас, как и собственное тепло, которое сохраняется внутри наших прочных панцирей. Легенда сбывается, спасибо тебе, Прародитель. Но что же будет дальше? Как долго продержится великий Холод, сколько времени мы пробудем в этих спасительных капсулах? Один цикл, два, три? Четыре...

И мы погружаемся в сон. И сон без сновидений, и без картин, и без страданий, только с памятью, с памятью о Прародителе и предназначении, и знамениях, ... пока твердь не треснет... пока твердь не треснет и не разрушит все сущее.

Наше время пришло, пока мы спали. Чудовищный треск разламывающейся земли запустил обратный отсчет. Таймер до момента, когда мы реализуем своё предназначение, начал тикать. Мы не слышали треска, не слышали грома, мы также не чувствовали сотрясения тверди и разлома привычной гравитации, и как наша родная белоснежная равнина распалась напополам, на два полушария с зазубренными краями, и как наши капсулы погрузились в вязкую жижу и понеслись покачиваясь вниз-вниз.

И великая Зима сменилась великим Жаром, а мы достигли предела и пробудились.

Мы были уже в сознании, когда капсулы растаяли под воздействием высокой температуры. Мы застыли в резиновом, твердеющем горячем желе, наши движения были скованы, мы не могли перемещаться так же резво как раньше. В отличие от Холода, который появился сразу со всех сторон, Жар имел источник и направление. Я точно чувствовал, откуда он идет, и целенаправленно сокращая тело, старался двигаться в противоположную сторону, и еще я ясно ощущал смерть. Это была смерть других странников, моих соседей, которые находились слишком близко от источника жара и не смогли отстраниться. Я чувствовал их гибель, и каждый раз умирал вместе с ними, вместе с каждым. Прощай, сосед.

Вязкая жижа вокруг меня постепенно густела, и становилась всё более упругой и плотной. По мере удаления от источника жара, его полыхание было всё менее мучительным. Я чувствовал, что жар не убивает меня, но делает мое тело сильнее, оно твердеет, и я больше не могу быстро двигаться. Однако растущее ощущение неуязвимости успокаивало меня и позволяло не бояться того, что мои движения скованы. Я сделал еще один рывок и вдруг почувствовал свободу. Я заскользил по гладкой поверхности, поддаваясь полученному импульсу. Это был Гладкий Остров, и я был спасен.

«Огромный жар уничтожит большую часть вас, немногим удастся спастись, только те, кто сумеет добраться до Гладкого Острова жёлтого цвета, будут в безопасности, только они увидят Рай».

Скользкая поверхность качнулась, источник жара исчез. Я стремительно помчался вниз, сталкиваясь задубевшим телом с остальными выжившими странниками. Поверхность качнулась в другую сторону, и мы полетели снова вниз до противоположного конца Гладкого Жёлтого Острова, и затем все замерло.

Раздался скрежет, и затем тишина, снова скрежет и железный визг, и опять наступило молчание.

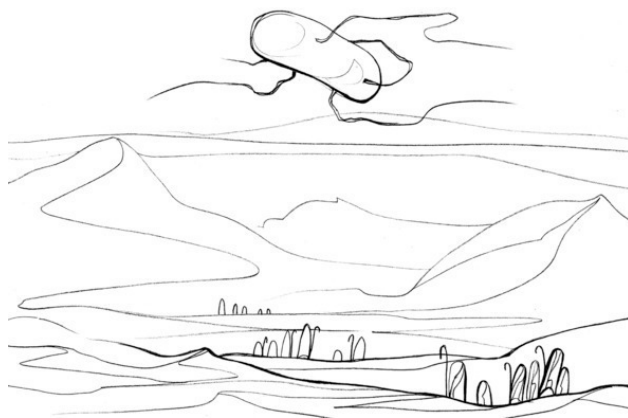
– Это открываются врата Рая, – чувствовал я сигналы своих соседей то справа, то слева. Нас осталось очень мало, но выжили только самые сильные, закаленные великим Холодом, высушенные великой Жарой и теперь готовые встретить Рай.

Снова раздался лязг железа, земля дрогнула, ударил ветер, и нас стало болтать в разные стороны, то погружая в жидкость, то сжимая в тисках до тошноты, и снова полёт вниз в пустоту.

Мы почувствовали, что финал случится уже сейчас и, в самом деле: благодатный Рай принял нас и нежно обнял. И я понял то, чего не мог знать раньше: Рай – был Прародителем, и Тепло – было Прародителем, а каждый из нас был его частичкой.

Мы отчетливо и ясно видели Прародителя, его прекрасное сильное тело зеленого цвета с развивающимися оранжевыми жгутиками. Прародитель был больше каждого из нас, и его жгутики были длиннее, он мог использовать их не только для охоты и размножения, но и для перемещения по белой пустыне, нащупывая, цепляясь и отыскивая самый короткий путь к пище. Кольцо, замкнутое посредине его гладкого упругого туловища, было толще, чем у каждого из нас, и переливалось люминисцентными цветами, и ни одна оказавшаяся рядом с ним Половина не могла устоять перед великолепием его кольца. Скорость, с которой он охотился, поглощал манну и давал потомство, была невероятной. Токсичность яда, который струился по его жилам – была убийственной.

Он был первым странником, рожденным не в нашем мире, а в параллельной вселенной, в невесомости, где его сила могла развиваться свободно, не сдерживаемая земной гравитацией. Он был родоначальником и первым в нашей колонии, он поселил в наше сознание уверенность в предназначении и легенду, передав частицу своей силы каждому из нас.

Он был первым странником, рожденным в параллельной вселенной.

Между тем живительное райское тепло навалилось на нас, и мы размякли. Я ощутил то, чего не чувствовал раньше. По всему моему телу прошла сладостная судорога, а в сознании было только одно слово, одна картина – Предназначение, вот оно моё настоящее предназна-

чение. Судорога прошла еще раз, и моя сила начала струится из меня, поднимаясь под купол невероятно огромного гигантского Рая, под свод необъятного sklepa клубами разноцветного дыма, синим, желтым и зеленым. Ядовитые струи сочились из каждого из нас, соединялись и перемешивались, становились все более плотными и едкими, принимая все новые необычные оттенки, и мы видели их в нашем сознании, хотя были слепы.

«И вы увидите, как ваше Предназначение будет реализовано».

Дым становился все плотнее, он принимал всё новые цвета, пока не достиг максимальной токсичности, а затем... Затем начались спазмы и у хозяина подскочила температура.

Бесконечно белая гористая равнина, изъеденная трещинами, котлованами и впадинами, при стремительном удалении от наблюдающих за ней в микроскоп глаз постепенно превращается в гладкие, ровные, матовые половинки яичной скорлупы, оставленные на кухонном столе между раковиной и плитой. По однокомнатной квартире разбросаны вещи, постель скомкана, а на полу сохнут грязные следы обуви врачей скорой помощи, которые сильно торопились и не успели надеть бахилы.

Рыжая кошка обнюхала мокрый след, затем мотнула ушами, брезгливо лизнула сухим языком валяющуюся рядом белую яичную скорлупку, отправляя в путешествие к себе в желудок многомиллионную колонию токсичных бактерий, переступила через ошметки недоеденной яичницы и, запрыгнув на тумбочку, легла в позе железного льва со скульптуры на набережной. Передняя её лапа мягко опустилась на коробку, которую хозяин принёс сегодня с почты. В коробке лежал фитнес браслет, заказанный месяц назад на Али Экспресс. За смешные деньги браслет мог делать всё то же самое, что и его дорогостоящие аналоги: замерять пульс, давление, уровень холестерина и сахара, считать количество пройденных километров, в общем, заботиться о состоянии здоровья своего бодрого, полного силы и физической мощи хозяина.

Несколько дней назад в гости к хозяину квартиры, пришел старший брат, трудившийся уборщиком в какой-то конторе, которая организовывала научные исследования, изучала генетический код микроорганизмов, и как они ведут себя в экстремальных условиях. Себя приятель не без иронии называл «менеджером по чистоте».

Контора закупила на гранты кучу дорогостоящего оборудования, арендовала за копейки помещения в полумёртвом институте, и уже почти окупилась стоимость приборов, предлагая их для различных исследований всевозможным организациям. Заказов было много, и все биореакторы, микроскопы, турбины и генераторы частот пахали круглые сутки на полную мощность. В колбах и пробирках что-то постоянно бурбулировало, исторгало пар, вонь и брызги разноцветной биомассы, производя в помещении такую грязь и беспорядок, что у менеджера по чистоте не было свободной минуты.

Гость вяло сосал пиво, жевал кольца кальмара и рассказывал, что сегодня в лаборатории запустили новый прибор, симулятор невесомости. Оказывается, для микробов нет лучших условий, чем отсутствие гравитации, они начинают расти и размножаться с бешеной скоростью. А вредные болезнетворные становятся ещё более заразными.

– В разы. То есть если, например, от обычной палочки или сальмонеллы еще есть шанс вылечиться, то от той же сальмонеллы, которая выросла в невесомости – сразу «кирдык».

– А из-за чего «кирдык»?

– Из-за токсинов, которые микроб выделяет. У одной сальмонеллы из невесомости концентрация токсинов, как у целой колонии в пару миллионов, страшное дело.

Контора получила какой-то не сильно жирный, но связанный с космическими исследованиями заказ, и народ в лаборатории уже шепчется, что это вроде как НАСА: ведь если вредные бактерии в космосе становятся ещё сильнее и вреднее, то и для космонавтов нужно придумать что-то особенное для защиты.

– В общем, какая-то левая фирма, влезла в тендер, при этом сильно демпинговала, и теперь надо срочно результаты исследований, а своих возможностей нет, и вот они к своему счастью нашли по дешевке наше оборудование в сибирском захолустье.

Этот рассказ не вызвал особо живого отклика у хозяина, однако когда, гость, наклоняясь за очередным кальмаровым кольцом и расплескивая пиво на диван, вскользь произнес очередную фразу, хозяин фитнес браслета напрягся.

– Блин, сорян, высохнет. Задолбался я сегодня, короче, симулятор оказался непроверенным, запустили, свет мигнул и он заглох, да еще бабахнул, дверца отлетела, весь пол залило дрянью склизкой.

– А что это было?

– ...никогда не было так много, они на самом деле в невесомости размножаются с дикой скоростью. Что было? В смысле, какие это были микробы? Сальмонеллы вроде.

Единственной вполне осознанной заботой хозяина квартиры по жизни была забота о собственном здоровье, поэтому при слове «сальмонеллы», он дёрнулся всем телом.

– Блин, ты хоть помылся? Руки вымыл?

– Конечно, не переживай, там же режим, все моются полностью в конце дня, заходят в бокс, одежду всю снимают, она идёт на стерилизацию, потом в душ, ионный и водяной, потом чистая комната. Всё нормально.

Запиликал телефон, старший брат посмотрел на экран, нахмурился, отключил звук и аккуратно засунул вибрирующий мобильник в карман.

– Жена? – проявил проницательность хозяин.

– Ага, пора младшую купать и пацанов укладывать. Извелась уже.

Мобильник успокоился. Гость улыбнулся. Случайно произнесённое слово напомнило ему о другой общей теме:

– А тебя мама ещё не извела? Она меня каждый раз, как приезжаю, спрашивает, ну когда Вадим с Надей уже ребёнка заведут, когда же когда. Ну, так когда? Что соврать-то?

Тема веселила старшего брата настолько, насколько младшего – напрягала:

– Ну, скажи, что я об этом ещё не думаю.

– Не могу, говорил уже.

– Тогда скажи, что никогда.

– И это не могу, не поймёт.

– Да я знаю, что не поймёт, – младший растерянно смотрел в окно через желтую жидкость с пузырьками в стакане.

– Просто я думаю, что у меня какая-то более серьёзная цель, чем размножение, прости – *воспитание* детей.

Гость пожал плечами.

– Да, я не обижаюсь, с прошлого раза. Я же тебе тогда сказал, что дети – это единственный способ понять, есть ли у тебя вообще какое-то предназначение. По-моему.

– Я помню, но я тогда чего-то недопонял.

Старший поставил пустой бокал на столик и следующие слова говорил жестикулируя, словно раскладывая слова по воображаемым полочкам:

– Смотри, раскладываю по полочкам. Если у тебя после всей нервотрёпки с детьми, – нервотрёпка легла на полочку слева, – после бессонных ночей, – взмах руки уложил бессонные ночи направо, – после отсутствия свободного времени даже в туалет сходить, – тоска по уединению отправились направо и налево поровну, – если после всего этого у тебя ещё останутся

желания заниматься чем-то ещё – значит это твоё, твоё предназначение, – последний вывод, судя по движениям рук, был в объёмистом свёртке уложен на полочку прямо перед носом младшего брата. – Дети – это такая тотальная проверка: важно для тебя что-то на самом деле по жизни или нет.

Умудрённый гость сделал значимую паузу.

– Смысл имеет то, на что остаются силы и желания после детей. Если сил не осталось и желаний не осталось, значит, твоё предназначение – родитель, и это тоже очень и очень достойно. Помнишь, когда у меня первый родился, я сказал, что дети расставляют приоритеты. Я тогда имел в виду, что они – и есть главный приоритет. Это так. Я думал, так и будет. Но кроме этого они ещё дают понять, есть ли у тебя вообще что-то за душой.

– То есть забить на детей и заниматься любимым делом, на гитаре брэнчать? – вдруг огрызнулся младший.

– Да, не передергивай ты. Нужно стараться быть хорошим родителем в любом случае. И заниматься можно чем угодно, просто пока у тебя не случились дети, ты не будешь знать наверняка, можешь ты жить без этого своего увлечения или нет.

– Давай, хороший отец, короче, досасывай пиво и тащись домой, дети заждались, забыл? – младший громче, чем хотел, звякнул пустой бутылкой по столу, и сел боком. Такой объем жизненного опыта оказался вдруг явно больше того, что он был готов сегодня принять. Вот пустозвон, не заткнешь, как начнёт философствовать. Две вышки, а работает техничкой. Это временно, говорит, так с одной работы поперли, и с другой попрут, если только болтать и умеешь.

«Вот пустозвон. Как начнёт философствовать – не заткнёшь»

– Ну, вот теперь ты обиделся, – старший допил свой стакан. На душе была досада. Внезапно он театрально расширил глаза и всплеснул руками:

– Значит воспитание – не твоё, размножение – не твоё, может, и жизнь вообще – это не твоё?

Младший взглянул на брата, хохотнул, и гость, стараясь скорее сменить обиду шуткой, скроил страшную рожу и скрючил пальцы:

– Значит твоё – это смерть? – и тут загробный голос дрогнул и стал нормальным, – красивая кошка у тебя, зараза, ласковая.

Рыжий пушистый зверь, урча забрался на спинку дивана, потерся о лохматую голову специалиста по чистоте, и шерсть, заряженная статическим электричеством, захватила в себя крошечного пассажира, увидеть которого можно было бы только в мощный микроскоп. Пассажиру, уже пережившему за сегодня симулятор невесомости, разряд тока, ливни воды и ионный душ, электричество было нипочём. Его продолговатое зеленое тело, скруглённое на кон-

цах, жаждало жизни, оранжевые жгутики извивались, и яд, покоившийся внутри, пульсировал в ожидании.

Кошка перепрыгнула на кухонный стол, уселась возле неразобранного пакета из супермаркета с хлебом, творогом, молоком и яйцами, и начала вылизываться. Раз, два, влажным языком по вытянутой лапе снизу вверх. Три – и зеленый пассажир, зацепившись за кошачий язык, взлетел в воздух, и совершив плавное путешествие по пластам воздушных масс, приземлился на белоснежную поверхность яичной скорлупы, которая при сильном приближении становится похожа больше на гористую, изъеденную впадинами и оврагами равнину.

Его прибытие произвело переполох среди обитавшей на равнине колонии сальмонелл.

– Кто это, кто это, кто это появился?

– Кто-то новый.

– Кто-то – другой.

– Чувствуете, он не похож на нас, он сильнее, вы чувствуете его силу?

– Кто же вы?

– Я – ваш Предводитель.

– Пра... родитель?

«Да, вы не только слепые, но и глухие... Ну, пусть будет Прародитель, тоже хорошо».

– Да, я ваш Прародитель, и я дам вам смысл существования. Плодитесь и размножайтесь!

– Да, мы же и так только этим и занимаемся, Прародитель...

– Молчать! Слушать меня. Вы будете странствовать по белой равнине и затем обретете Рай, но вы должны осознать своё Предназначение, а для этого нужно время, двадцать циклов вы будете скитаться, а потом ударит мороз, а после него – жара. Не все выживут, только самые сильные с железной волей и каменным телом, и они вступят в рай и увидят, как реализуется их Предназначение.

– Но мы же слепы Прародитель.

– Вы болтливые безмозглые твари. Вы будете скитаться не двадцать, а сорок циклов. Еще одно слово, и я добавлю ещё парочку!

После этих слов мы замолчали и начали полагаться только на свои ощущения и внутреннее зрение.

Так многомиллионная армия микробов зарядилась ядом убийственной силы, рожденным в симуляторе невесомости, обрела высший смысл и начала путешествие по белой равнине яичной скорлупы в ожидании своего Предназначения.

Рыжая кошка еще раз оглядела беспорядок, оставленный в комнате торопившимися санитарями, зевнула и закрыла глаза. Она была сыта, а плошка стояла наполненная водой. Через трое суток её желудок скрутит от голода, и она начнет истошно мяукать, а соседи будут злиться и вызовут спасателей, но сейчас – всё в порядке, и самое время вздремнуть.

Вечером этого же дня хозяин кошки и новенького фитнес браслета, молодой человек, совсем недавно вставший на долгий путь к осознанию собственного предназначения, умер от сальмонеллеза в больнице скорой помощи на другом конце города.

Замрут часы, и я умру

ПЕРВАЯ Новый год

Под Новый год главные городские часы на театральной площади поменяли мелодию. Теперь каждые полчаса играет Щелкунчик, конечно. Пара моих часов лежит в шкафу и ждёт какого-нибудь торжественного мероприятия или собеседования. Когда не нужно пускать пыль в глаза, часов на смартфоне вполне достаточно, только ночью спросонья экран слепит глаза.

Носить на руке приспособление, постоянно тайком подсчитывающее какое-то невидимое, неощутимое нечто, которого никогда не хватает, и не хватит, это уж слишком беспокойно. Мои часы будут так же исправно и неумолимо отмерять время за закрытой дверью зеркального шкафа, когда не станет меня. Но чье время? Ведь это мои часы, а значит, и время отмеряли моё, а теперь? Тикающее насекомое будет шестерёнками, цепляя и утаскивая в бездонную пропасть секунды, минуты и часы абсолютного, не принадлежащего никому, времени. Вечно, жутко. «Вечность» и «я» в одном предложении вызывают ледяной сквозняк, и я зябко ёжусь. Лучше не думать об этом.

Приходит Новый год, и часы из дьявольской машины превращаются в таинственный реквизит снежной волшебной сказки. Для Золушки с двенадцатым ударом чудо заканчивается, а для нас начнётся снова, с первого числа первого месяца нового счастливого года. Главное внимательно вслушиваться и считать удары курантов, и если не упустишь ни одного, тогда точно сбудется.

Тридцать первого декабря я сижу в аэропорту. Сейчас десять минут двенадцатого – так говорят старые электронные часы с толстыми цифрами из зелёных горящих точек, где таких только не висело в детстве, – и мой рейс опять задержали. Размышляя, как же я буду считать удары курантов, если придётся встречать новый год в воздухе, я вслушиваюсь в слюнявую пьяную болтовню довольно симпатичного мужика, который толкует мне, что только что проводил своего приятеля и теперь поедет домой встречать новый год со своей невестой.

А я думаю про звон курантов, и представляю, как было бы хорошо сейчас вмиг перенестись через пару тысяч километров и оказаться в двенадцать часов тридцать первого декабря под самыми большими часами и самой высокой ёлкой, на заснеженной, расцвеченной огнями и окружённой силуэтами далеких гор за блестящей рекой, на театральной площади моего родного города.

ВТОРАЯ

Не сегодня

Странный он, этот Вадик, но Надю к нему тянуло магнитом. Он же вообще толком не учится, появляется только на сессию и на курсовые пьянки. И ведь сдаёт же, сдаёт все зачёты и экзамены, в академ ни разу не ходил, Были на первом курсе пара-тройка альфа-самцов, которые хорохорились, пропускали по месяцу, приговаривая «от сессии до сессии». Так вот все в академ и пошли после первого курса, а кого и отчислили, но Вадик – проскочил.

– Он конечно, ничё так-то да? Не дрищ, и не жирный. Фигурка – норм.

– И не воняет от него, кстати, никогда, одеколончик, ботиночки, личико не жирное, голова мытая.

– Да, Танюха, это не твой качок, от которого за километр потищем несёт как от коня.

– Ну, он, не мой, вообще-то.

– Ну, ведь мутили?

– Ага, – Таня спешит сменить тему и объект общего интереса, – а помнишь Надюха, на первом курсе, когда собрались у меня в первый раз, там Вадик ко всем подкатывал, все ржали, помнишь?

– Конечно. «Это судьба!» и так еще в глаза сморит, руку на плечо положит, лицо серьезное, сдохнуть можно.

Девочки смеются, и их голоса мешаются в галдящий шум ночного фаст-фуда. Гамбургеры съедены, но картошки и чипсов с пепси ещё много. Сейчас конец декабря, сессия. Фаст-фуд находится в квартале от общаги, и когда мозг после многочасового чтения тетрадей с записками сумасшедших лекций и прослушивания их на телефоне начинает требовать топлива, ноги сами несут к пережаренной картошке и майонезу. Вся измученная экзаменами и тоскующая по отрыву не спящая студенческая публика тусуется в забегаловке у автобусной остановки – после двенадцати ночи тут здравые скидки – и игнорирует фаст-фуд через дорогу, там дороже.

Гуляющие обеспеченные граждане зрелого возраста недоумевают, почему жральня с одной стороны дороги забита народом, а вторая такая же, горящая окнами напротив – пустая, и строят предположения о тайных ингредиентах, вызывающих привыкание, и зарекаются позволять своим детям ходить сюда, а дело при этом всего лишь в скидке в пятьдесят рублей, ощутимой для студенческого кармана.

– Вообще ржач, думали, что это он напился просто, ну тогда все перепились, конечно.

– Ну да, от смущения перепились.

Общий смех.

– Так он так ни с кем тогда и не замутил?

– Нет. Ну, во всяком случае, мне – неизвестно, вы же меня уже допрашивали.

– Да ладно, Надя, он же к тебе подкатывал, вы же потом ушли в приват. Что, хочешь сказать, ничего не было?

– Нет.

Выражения лиц подруг требуют продолжения с пояснениями.

Надя, опустила глаза и потянула пепси через трубочку из бумажного стакана. Стакан сморкнулся, и Надя нехотя по слогам, безнадежно выдавила:

– Он сказал, что это сакральный акт, и мы к нему ещё не готовы.

Подруги заулыбались и мельком переглянулись, но так, что предмет иронии мог заметить это обидное переглядывание.

– Ну, да вот такой фрукт. Пуля в башке.

– Овош, точнее.

Все закатились, и Надя тоже, она не обижалась. После паузы, заполненной соленой картошкой и сладкой газировкой, Светка сказала:

– Везение, конечно у него есть. Фэномэнальное! – подруги снова улыгнулись, вспомнив препода по высшей математике и его любимое словечко.

– Как он эту сессию сдавал, вообще потрясающе, а ведь ни разу не появлялся.

– Из параллельной девчонки говорят, что он всегда учит только один билет, и ему всегда попадается именно этот билет. Это он им так сказал.

– Как так?

– А вот так.

– Мистика.

– Да он – ведьм!

– Ведьмак.

– Чушь какая-то, это он просто клеил у них кого-то, это чисто везение. О, это же Виктор!

Подруги замолчали и помахали вошедшим в фаст-фуд троим парням одногруппникам, все кроме Танюхи. Один из парней был атлетически сложенный Виктор, с ударением на последний слог, качок, с которым Танюха встречалась полгода назад. Три спортивных костюма прошли мимо к раздаче, и Танюха, которая тщательно выбирала картошку подлиннее, нарочно не обращая на них внимания, зажала нос и изображала отвращение от жуткой вони. Подруги всё поняли и затряслись от смеха.

– Одэколон, Виктор, где ваш одэколон? – вполголоса произнесла Танюха и вдруг стала серьёзной, – вот про везение нашего Вадика. Сегодня же видели?

Конечно, они видели. Почти вся группа была свидетелями стычки между Виктором и Вадимом, которая произошла в очереди на экзамен по философии.

С половины девятого группа постепенно подгребала к аудитории и распределялась по очереди. Потом сообща прикинули, сколько времени уходит на подготовку и ответ, и вторая половина очереди рассосалась в буфет и на улицу курить, чтобы не торчать перед дверью в душном коридоре битых час или два. Виктор должен был войти в десять тридцать.

Вадик прибежал, запыхавшись, в десять двадцать пять и стал допытывать мандражирующих одногруппников, кто должен пойти на экзекуцию через пять минут. Ему сказали, что Виктор, но он где-то шарится и, скорее всего, пропустит очередь. Тогда Вадик сказал, что он опаздывает и можно, пожалуйста, пожалуйста, вместо Виктора пойдет он, потому что он сильно торопится, с работой заморочки, он подрабатывает, и надо успеть. Манадражирующие соглашались, потому что никто не хочет быть растерзанным на полчаса раньше отмеренного срока, и Вадим с облегчением выдыхает и входит в кабинет ровно в десять тридцать. А ровно через минуту с телефоном прижатом к уху из кабинета вылетает красный профессор философии по фамилии Прострацкий и устремляется в преподавательскую, шипя в трубку: «Мама, если я обещал заехать, я заеду, мы поменяем твой радиоприемник, не волнуйся, у меня сейчас экзамен, потерпи, пожалуйста». Прострацкий, не с первого раза попав ключом в замок, в конце концов, хлопает дверью, и прижавшиеся к стене студенты слышат его глухой крик: «Нет, его поменяют, у меня есть чек, да, у меня есть чек, мама сколько можно!»

Садо-мазохистская семейная разборка продолжается минут пятнадцать. Мать Прострацкого полгода назад вышла на пенсию в звании доктора философии из того же университета, однако исполинский ум и интеллигентность этой уважаемой женщины по иронии судьбы всю жизнь органично сочетались с потребностью ежедневно долбить единственного сына, требуя постоянного к себе внимания.

Пока профессор, проклиная всё на свете, исполнял сыновний долг, ожидающие в коридоре студенты с завистью заглядывали в аудиторию, где их одногруппники остервенело готовились к ответу. У каждого горел экран смартфона с фотографиями страниц учебника, а у кого-то торчал наушник с записанной лекцией. Навыки интернет сёрфинга демонстрировались олим-

пийские, и списывание шло полным ходом. Звенящая тишина, шуршание ручек по бумаге и пиканье экранной клавиатуры, красные лица, остекленевшие глаза и полуоткрытые рты. Каждый из сидящих в аудитории превратился в строку поиска, в передаточное звено между своим телефоном и листом бумаги. Потееющие руки с бешеной скоростью сдували максимальное количество информации без малейшей возможности что-либо осмыслить.

– Ну вы и гады, долбанные везунчики! – если бы подобное произошло в школе, в класс бы полетели бумажки и ручки и отвлекающих реплик было бы больше, чтобы не дать счастливцам в полной мере воспользоваться свалившейся удачей. Но сейчас полные сознания своей зрелости студенты престижного ВУЗа должны были солидно отпустить желчные замечания.

– Се ля ви, чуваки, да закройте вы дверь, чё вы как эти, – звучали из аудитории злые голоса, – мы же не специально, просто повезло.

Каждый из оставшихся в коридоре был зелёный ещё и от зависти к Вадиму, который так удачно пролез не в свою очередь, и теперь сосредоточенно сдувал с фотографии конспекта ответ про французский экзистенциализм. Все хотели быть на его месте, но больше всех этого хотел опоздавший Виктор, который примчался впопыхах из курилки, услышав, что «маменькин сынок» заперся в преподавательской, и все, кто успел взять билеты, теперь списывают так, что руки дымятся. Винить Виктору нужно было только себя, без профессора он не мог бы взять билет, даже если бы Вадима не было в аудитории. Но этот чёртов счастливчик! Опять ему повезло, и Виктор злобно заглядывал в кабинет, а потом, когда на него смотрели одноклассники, долбанул пару раз от досады о стену кулаком

Когда доктор и профессор бросили трубки каждый на своем конце провода, и воспитанный философ, сын философа, вернулся в аудиторию, его встретили святящиеся скромной радостью и интеллектом лица. Конечно, все кто готовился к ответу в его отсутствие, получили как минимум четвёрки.

– Ты чего полез без очереди? – Виктор припёр Вадима к стене. Счастливчик вышел из аудитории, и с извиняющимся видом пожимая плечами, пытался засунуть в сумку зачётку с пятёркой, однако от толчка потерял равновесие.

– Ты чего полез, умный? – чтобы подняться, Вадиму нужно было протиснуться между стеной и рельефом качка.

– Мужик, ты чего, ты же сам опоздал, всё равно бы не зашел без профессора.

– Не твоя очередь – не лезь, понял, счастливчик, а то я тебе счастье... укорочу.

Виктор усмехнулся удачно найденному слову, пихнул Вадима грудью, чтобы тот ещё раз стукнулся о стену и под вялые реплики одноклассниц «Витя, не надо, Витя, успокойся» зашёл в аудиторию.

Ну да, он не боец, этот Вадик. В драку не полез, но как он странно смотрел на Виктора, совершенно спокойно, чуть опустив голову на бок, наблюдая и как будто что-то прикидывая. Затем хмыкнул, увидел свою открытую сумку, и наконец-то засунув в нее зачётку, и направился по коридору. Надя догнала его перед выходом на лестницу.

– Ну, и что ты ему сказала, своему кавалеру недоделанному? – спросила Светка, вынув из пакета руку с трепещущим бутонем чипсов. Они с Танькой видели эту безобразную сцену, стоя перед аудиторией, и теперь необходимо было узнать все подробности, чтобы составить информированное мнение.

– Да ничего особенного, и совсем он не недоделанный. Сказала, что Виктор идиот, и не надо брать в голову.

– Да, идиот, это точно, – серьёзно подтвердила Танюха.

– Ну, и спросила, пойдёт ли на новый год.

– Ну, и как? Пойдёт?

– Да, – и Надя улыбнулась.

Танюха и Светка переглянулись.

– Ты думаешь, он уже... готов? – спросила Таня.

– Да, идите вы.

Странный он, этот Вадим. Когда Надя догнала его, то сразу увидела, что спокойствие было деланным: губы злобно поджаты, глаза презрительно сужены. Первое, что он сказал было: «Ты слышала, он хочет укоротить мое счастье?» – «Да, он debil...» – «Никто не сможет укоротить мое счастье» – и это был страшный, похожий на шипение шёпот. «Да, это тупость какая-то, ты что, это слова просто» – «Ну да, слова».

Вадим, как будто опомнившись, отвернулся и перевёл дыхание. Надя, сначала напуганная, тоже успокоилась.

– Ты же пойдешь к Танюхе, на новый год?

– Да, да, – и Вадим вдруг быстро заговорил, – да, помнишь, что я тебе сказал, год назад, помнишь? Так вот – у меня всё сошлось!

Не всё, что случилось на той эпохальной пьянке, Надя готова была передать подругам. После танцев она с Вадиком, уже довольно кривые, оказались за закрытой дверью спальни, и там начался, вроде как, стандартный романтик. Она спросила, кто он по знаку зодиака, а он засмеялся и сказал, что это чушь. Ну, а она сказала, что многие так считают, но иногда знак говорит про характер. Тогда он сказал, что она его неправильно поняла, и что это чушь, потому что люди, которые говорят об астрологии, совершенно не понимают, о чем они говорят. Он же относится к этому очень серьёзно. А по знаку зодиака он Змееносец. Тогда Надя сказала, что такого знака нет, на что он сказал: «Вот видишь, ты тоже не знаешь много чего». Надя спросила, не хочет ли он узнать её знак, а он сказал что, что бы она ни сказала, это будет неправильным, лучше пусть скажет свой день рождения.

– Ты же не задумывалась, ну, так чтобы серьёзно, почему предсказания всякие, гороскопы на день, на неделю – почему они почти никогда не сбываются?

– Ну, бывает, что сбываются.

– Но очень редко. А когда это всё было изначально придумано?

– Сто лет назад?

– Сто! Две тысячи. Это же всё про то, как звёзды, Луна и Солнце расположены на небе в определённый момент времени. Времени, понимаешь. А как люди измеряли время тысячу лет назад? – спросил Вадим и тут же ответил сам, – Да, чёрт его знает, как! Вот в книге тысячелетней давности написано, что второго ноября тысяча сто пятого года Луна находится в созвездии Весов. Ну да, она там находится, но по сегодняшнему календарю это может быть не второе ноября, а второе декабря, месяцы разницы, понимаешь. А все эти бандерлоги-астрологи берут и переносят тот древний календарь на сегодняшний, понимаешь.

– А Нострадамус. Он же все чётко предсказывал.

– Да, чётко, но у него масштабы – годы, столетия, в этих масштабах можно более-менее попасть. А вот чтобы точно сказать будет ли у Нади Резинкиной сегодня удачный день или лучше вообще из дома не выходить, вот это задача. Для этого нужно пользоваться именно тем календарём, который был, когда жили предки Нострадамуса.

– Ну, наверное, вообще невозможно предсказать с точностью до дня.

Вадим усмехнулся:

– Можно и до часа, и до минуты. Все зависит от того, каким календарём, и главное какими часами пользуешься.

Надя слушала, внимательно глядя в его глаза, посвёркивавшие в полутёмной комнате. С ним было интересно и уютно, и возможно, даже будет хорошо.

За закрытой дверью продолжалось поглощение спиртного, и стоял плотный ржач. Она придвинулась к нему ближе, подвернула под себя ноги, и наклонилась, чуть коснувшись грудью в мохнатой кофточке его предплечья. Сигнала было достаточно, Вадим быстро положил жвачку на стол, легко притянул к себе её голову и долго поцеловал.

Однако, дальше ничего не произошло. Хотя в комнату никто не ввалился, а ржач и громкая возня за дверью продолжались ещё долго. Вадим, вскочив, ходил по комнате и нёс какую-то чушь про сакральность момента, и что надо сначала всё хорошенько посчитать, и что она не должна на него обижаться, потому что это всё из-за заботы о ней же. Ведь у людей проблемы из-за того, что они легкомысленно относятся к близости, теряют энергию на неправильных людей, за зря, и что Надюха ему очень важна, поэтому ещё рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.